

Ефимов В. А. В загоне. Концлагерные будни // Казанцев А. П., Ефимов В. А., Сутоцкий Г. П. В загоне: док. сб. Верхняя Пышма, 2003. С. 261–458.

Журавлев С. В. Феномен «Истории фабрик и заводов»: горьковское начинание в контексте эпохи 1930-х годов. М.: ИРИ РАН, 1997.

«Исчез человек и нет его, куда девался – никто не знает»: Из конфискованного дневника Е. Н. Николаева / публ., вступ. ст. В. Гончарова // Источник. 1993. № 4. С. 46–62).

Калинин И. Становление советского субъекта: колонизация колонизаторов // Транслит : лит.-критич. альманах. 2012. № 10–11. С. 30–41.

Савкина И. Л. Дневники и записки 1930-х – 1940-х годов // Русская литература XX века: 1930-е – середина 1950-х годов : уч. пособие в 2-х т. Т. 1. М., 2014. С. 312–437.

Хельбек Й. Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2017.

Хрипунов И. Дневники 1937–1941 гг. / науч. ред., вступ. ст., комм., сост. указ. С. И. Быковой. Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2021.

Шапорина Л. В. Дневник / вступ. ст. В. Н. Сажина. М.: Нов. лит. обозрение, 2011.

Шлегель К. Террор и мечта. Москва 1937. М.: РОССПЭН, 2011.

УДК 94(47).084(09); 911.375

О. В. Горбачев
Уральский федеральный университет,
г. Екатеринбург

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО ГОРОДА: СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ¹

В статье констатируются ограничения существующих подходов к изучению социально-демографической истории советского города, в том числе теории модернизации. Анализируется возможность применения теории социального пространства для расширения исследовательского поля. Рассматриваются возможности источников разного типа для реконструкции советского городского пространства. Оценивается информационный потенциал первичных материалов Всесоюзной переписи населения 1959 г. и паспортов городов Среднего Урала, хранящихся в Государственном архиве Свердловской области.

Ключевые слова: советский город, Средний Урал, теория модернизации, социальное пространство, перепись населения, паспорт города.

Сложность интерпретации города как исторического явления вытекает из множества его измерений. Кроме временного измерения,

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 24-28-00629 «Траектории развития городов Среднего Урала в середине XX в.: методологический и источниковедческий аспекты»).

в первую очередь востребованного историками, существует по крайней мере еще несколько: пространственное, антропологическое, архитектурное, планировочное. Концентрация только на одном из них при игнорировании прочих существенно обедняет восприятие. С другой стороны, расширение исследовательского ракурса требует значительных усилий со стороны исследователя, поскольку требует погружения в понятийный аппарат и методический инструментарий других научных дисциплин, занимающихся проблемами городского развития.

В рамках исторического знания в течение нескольких последних десятилетий сложилась основательная традиция изучения российского города XVIII–XX вв. в контексте теории модернизации. В ее рамках анализируется урбанизация, интерпретируемая как часть процесса модернизации. Комплексное изучение урбанизации, в свою очередь, влечет за собой необходимость анализа целого ряда ее аспектов: поселенческого, демографического, экономического, социального.

Преимущества модернизационной парадигмы достаточно очевидны. Изучаемые в ее рамках процессы и явления объединяет эволюционный характер развития, универсальность проявлений, возможность верификации с помощью различных исследовательских методик.

Применение теории модернизации к анализу советского города вытекало из логики его восприятия в категориях модерна, в рамках советской модели модернизации, для которой естественным являлся приоритет индустриальных ценностей.

С другой стороны, такого рода очевидность таит в себе опасность экономического редукционизма ввиду важности индустриального фактора в советском городском развитии, по сути, сближая модернизационный подход с критикуемой теорией «социалистической урбанизации». Это означает, что модернизационное социокультурное развитие российского города в советский период, в отличие от XVIII–XIX столетий, лишается самостоятельного наполнения, становится заложником советского индустриализма, опосредуется все той же «индустриальной революцией». В результате, по мнению ряда авторов, советские города выполняли роль «тары» для размещения производства, где база для социальных коммуникаций была неразвитой и отсутствовали условия для повышения качества жизни [см. например: Ахиезер, 1995]. Несмотря на то, что в дальнейшем под давлением «антропокультурной парадигмы» российского городского развития [Пивоваров, 2001, с. 112 и др.] эти взгляды были пересмотрены, вопрос о социальных факторах совершенствования советской городской среды сохранил актуальность.

По причине очевидных ограничений модернизационного подхода социальный историк вынужден отвлечься от привычной эволюционистской схемы и обратиться к другим характеристикам городской среды. Существенную помощь в этой работе способны оказать разработки в изучении городского пространства.

Идея пространства, о важности которой говорили многие мыслители, начиная с И. Канта, была актуализирована в 1970-е гг. с выходом труда А. Лефевра «Производство пространства» [Лефевр, 2015]. В настоящее время в исследовательском дискурсе вполне утвердилась концепция «социального пространства», при этом ее адепты по большей части занимаются изучением городской среды.

Несмотря на то, что А. Лефевр весьма скептически оценивал советский город, не видя в нем самостоятельного объекта для изучения, подходы французского мыслителя эвристически достаточно важны. По его мнению, составляющими городского социального пространства являются пространственная практика, репрезентации пространства и пространства репрезентации. Некоторая отвлеченность формулировок потребовала уточнения и породила последующие вариации на тему Лефевра. Одна из них, вполне инструментальная, принадлежит Дитеру Лэппле [Läpple, 1991]. В качестве элементов социального пространства он выделяет:

- 1) физическое пространство, преобразованное человеком и включающее социальные объекты;
- 2) общественную практику (производство, использование и присвоение материального субстрата);
- 3) правила и нормы как связующее звено между материальным субстратом и общественной практикой (различные уровни пространства пересекаются в соответствии с «распределением компетенций»);
- 4) символическое кодирование и восприятие пространства.

Поскольку пространственная схема Лэппле не игнорирует проблемы эволюции городской среды, она вполне может быть использована представителями исторического знания, не вызывая у них рефлекторного отторжения.

Предпринятый нами небольшой теоретический экскурс позволит лучше понять особенности доступных исторических источников для изучения социально-демографической среды советского города. В их перечне доминируют статистические документы. При этом советская статистика экономоцентрична; город с ее помощью воспринимается как находящийся «в контейнере» государства; в ней доминируют агрегированные (обобщенные) данные; собственно социально-демографическая статистика крайне избирательна, поскольку переписи

населения (самый доступный и полный источник), как правило, обслуживали текущие государственные программы. Экономические историки советского города находятся в ощутимо лучшем положении в сравнении с историческими демографами, и в целом в сравнении с историками социальными.

Итак, ограничения источниковой базы для специалистов, работающих в русле модернизационной парадигмы, понятны. Насколько реальны и перспективны исторические исследования с привлечением теории социального пространства? При таком подходе важен не просто временной срез, позволяющий охарактеризовать состояние городского социального пространства в определенный момент, но и возможность проследить его эволюцию.

Очевидно, что и в этом случае сохраняет значимость небольшое количество первичной информации в источниках и дефицит источников личного происхождения по истории советского города. Очевидна потребность в комплексных источниках, сочетающих временные и пространственные сюжеты, позволяющих раскрыть изучаемый объект на разных уровнях агрегирования.

В наибольшей степени на основе доступных документов поддается реконструкции состояние физического пространства (по схеме Лэппле). *Общественная практика* на основе официальных документов (нормативных, делопроизводственных, агрегированных статистических) успешно реконструируется на уровне деятельности трудовых коллективов, пространств массовых празднеств и др., но требует иных источников (первичных, источников личного происхождения) при переходе на уровень индивидуального потребления, изучения бытовых условий, воспроизведения повседневных маршрутов «работа – магазин – дом» и т. п.

Аналогичным образом обстоит дело с изучением официальных и неофициальных правил и норм. Их спектр чрезвычайно широк. На одном полюсе – советская идеология, ее констатирующие установления и их практическое воплощение (идея «нового человека», «моральный кодекс строителя коммунизма» и др.). Она успешно реконструируется с помощью архивных документов, в том числе из бывших партийных архивов. С другой стороны – многочисленные неофициальные нормы – «законы улицы», нравы рабочих слобод, территориальных линий разграничения «свой – чужой» и т. п., сохраненные в устной традиции, воспоминаниях и др., в силу немногочисленности выявленных свидетельств труднее поддающиеся реконструкции.

Что касается последней составляющей «социального пространства» по Лэппле (*«символическое кодирование и восприятие»*), или «пространство репрезентации» по Лефевру), то здесь имеются много-

численные интересные наработки. Более того, именно символическое советское пространство в последнее время изучается наиболее активно. Здесь и отечественные исследования, и ряд работ западных авторов. Есть примеры удачных трудов и на уральском материале [Бугров и др., 2022], в том числе на городском [Енина, Граматчикова, 2021].

В определенной степени реализации пространственного подхода для изучения советского уральского города способствует использование новых источников, только вводимых в научный оборот. Их разработка ведется в том числе в рамках исследовательского проекта «Траектории развития городов Среднего Урала в середине XX в.: методологический и источниковедческий аспекты», реализуемого в Международном центре демографических исследований в Уральском федеральном университете.

Во-первых, речь идет о первичных материалах Всесоюзной переписи населения 1959 г. В распоряжении научного коллектива оказалась естественная выборка объемом ок. 100 тыс. анкет переписи из городских поселений разного типа Свердловской области (областной центр; город-спутник; крупный промышленный город – райцентр; моногород, удаленный от областного центра; поселок городского типа), сохранившаяся в Государственном архиве Свердловской области [ГАСО, ф. 1813, оп. 12, д. 5–31]. На основании бланков переписи создается единая база данных, позволяющая вычленить существенные характеристики населения по поселениям разного типа. Представляется, что материалы базы внесут вклад в реконструкцию общественных практик, и отчасти – правил и норм, действовавших в уральской городской среде на рубеже 1950–1960-х гг. Успешным заделом для этого проекта следует считать разработку моделей городской семьи по первичным материалам переписи.

Другим перспективным источником являются паспорта городов Свердловской области за 1950-е гг., также извлеченные из фондов ГАСО [ГАСО. ф. 1813, оп. 3, д. 16–44, 46–52, 65, 81]. Паспорта использовались для практических целей городского управления. Паспорт включает 13 тематических разделов, объединенных в 45 таблиц: «Общие сведения», «Территория», «Население», «Численность рабочих и служащих», «Промышленность», «Транспорт и связь», «Жилищный фонд», «Внешнее благоустройство города», «Культурное строительство», «Здравоохранение и физкультура», «Товарооборот», «Коммунальное хозяйство» и «Исполнение бюджета города».

Основное достоинство паспортов – широкие возможности для реконструкции физического пространства города и городских общественных практик. Существенно, что этот документ сочетает временное (динамические ряды) и пространственное измерения. В контексте

реконструкции социального пространства особый интерес представляют разделы «Территория», «Экономика», «Транспорт», «Жилищный фонд», «Внешнее благоустройство», «Культурное строительство», «Физкультура и спорт». Основной источник социально-демографической информации – раздел «Население». Он содержит сведения о численности, социально-профессиональном составе, естественном приросте населения.

Информация об экономических и социокультурных приоритетах города способна помочь в оценке сравнительной устойчивости и перспективах городов разных типов, внести ясность в вопрос о факторах миграционной активности (с учетом того, что именно миграция выступала в качестве основного источника пополнения городского населения в регионе в изучаемый период) и т. п.

Таким образом, комплексное изучение советского города требует от исследователя значительных усилий. Совершенно очевидно, что успешное выполнение этой задачи возможно только с использованием междисциплинарного подхода. Не менее важная задача – преодоление сопротивления массива официальной документации советского периода, доминирующей в архивах и услужливо подталкивающей историка к очередной социально-экономической теме. Необходимы поиск и более широкое использование новых источников, равно как и нестандартные подходы к интерпретации уже имеющихся документов.

Ахизер А. С. Город – фокус урбанизационного процесса // Город как социокультурное явление исторического процесса / под ред. Э. В. Сайко. М.: Наука, 1995. С. 21–28.

Бугров К. Д., Киселев М. А., Маштакова Л. В. Становление опорного края. Индустриальный Урал в мобилизационной культуре 1930–1940-х гг. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2022.

Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-1813. Свердловский областной комитет государственной статистики Государственного комитета Российской Федерации по статистике (1934–2004).

Енина Л. В., Граматчикова Н. Б. Первостроители Уралмаша как перформативный проект. Конструирование заводской идентичности. Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2021.

Лефевр А. Производство пространства. М.: Strelka Press, 2015.

Пивоваров Ю. Л. Урбанизация в России в XX в.: представления и реальность // Общественные науки и современность. 2001. № 1. С. 101–113.

Läpple D. Essay über den Raum. Für ein gesellschaftswissenschaftliches Raumkonzept // Häußermann u.a. (Hg.). Stadt und Raum. Soziologische Analysen. Pflaffenweiler: Centaurus, 1991. S. 157–207.